

КОНСТИТУЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАЧЕСТВА
И ОБОСНОВАННОСТИ ФИСКАЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
(комментарий к Постановлению
Конституционного Суда РФ
от 23 мая 2013 года № 11-П)

Е. В. ТАРИБО*

В статье на основе анализа Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2013 г. № 11-П автор обращается к проблеме оценки средствами конституционного судопроизводства законодательства, устанавливающего фискальные платежи, на соответствие требованиям формальной определенности, а также проблеме обоснованности установления фискальных барьеров для занятия предпринимательской деятельностью. По мнению автора, комментируемое решение Конституционного Суда Российской Федерации должно придать новый импульс для развития дискуссии, которая ведется в научных и практических кругах по данным проблемам. В свете данного решения автор видит актуальным поиск ответов на следующие вопросы: какова должна быть степень неопределенности правовой нормы для того, чтобы она была дисквалифицирована Конституционным Судом Российской Федерации; какие обстоятельства, сопутствующие неопределенности правовой нормы, позволяют рассматривать ее как неконституционную? КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная пошлина, возврат налога, лицензирование, неопределенность налоговой нормы, фискальный барьер.

Тарибо Евгений Васильевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
конституционного права Северо-
Западного института управления
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации

* Taribo Evgeny Vasilievich — candidate of legal sciences, associate professor of the department of constitutional law of the North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

© Тарибо Е. В., 2013
E-mail: taribo@ksrf.ru

TARIBO E. V. CONSTITUTIONAL ASPECT OF THE QUALITY AND JUSTIFICATION OF FISCAL BARRIERS IN THE ENTREPRENEURIAL SPHERE (COMMENTARY ON THE DECISION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION OF 23 MAY 2013 NO 11-P)

Based on the analysis of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation (23 may 2013 No 11-P) the author addresses the problem of evaluating (by means of the constitutional legal proceedings) the legislation that establishes fiscal payments as to whether it complies with the requirements of formal certainty. The author also deals with the problem of justification of setting fiscal barriers for business activity. According to the author, the abovementioned decision of the Constitutional Court of the Russian Federation can give a new impulse for development of the discussion of these problems among scientists and practitioners. In the light of this decision the author considers it urgent to find the answers to the following questions: to what extent should a legal norm be ambiguous so that the Constitutional Court of the Russian Federation could disqualify it; what circumstances accompanying ambiguity of a legal norm enable its consideration as an unconstitutional one?

KEYWORDS: state duties, tax return, licensing, ambiguity of a tax norm, fiscal barrier.

В конце мая 2013 г. Конституционный Суд принял Постановление по тематике лицензионных платежей в сфере оборота алкогольной продукции,¹ на которое стоит обратить особое внимание не только специалистам в сфере налогового и хозяйственного права. Данное Постановление может быть также интересно широкому кругу специалистов, изучающих теорию и практику конституционного правосудия. Во-первых, в нем затрагивается фундаментальная проблема определенности законодательства, в частности, нормативных положений, которыми устанавливаются фискальные платежи. В связи с этим в контексте указанного Постановления возникает ряд следующих вопросов. Как формируется мнение о неопределенности правовой нормы, за счет каких факторов это происходит? Какова должна быть степень неопределенности, чтобы норма была признана неконституционной? Во-вторых, в данном Постановлении рассмотрена проблема обоснованности установления фискальных барьеров в сфере предпринимательства. Влияет ли на установление фискальных барьеров специфика той или иной предпринимательской деятельности? Какими правовыми гарантиями обладают предприниматели для их преодоления, достаточны ли они? Для ответа на поставленные и иные относящиеся к данному случаю вопросы сначала следует схематично рассмотреть фабулу дела, а затем проанализировать законодательство о платежах за лицензирование алкогольной продукции с учетом истории его формирования.

Фабулу дела необходимо разбить на два этапа. В рамках первого этапа заявитель по данному делу (региональное торговое предприятие из Ставропольского края) обратился за лицензией на розничную продажу алкогольной продукции, уплатив госпошлину в размере 40 000 рублей. Изучив представленные документы, лицензирующий орган отказал в выдаче лицензии, поскольку размер торговой площади предприятия не соответствовал нормативам. На втором этапе развития фабулы заявитель

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2013 г. № 11-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Встреча» // СЗ РФ. 2013. № 22. Ст. 2862.

обращается за возвратом уплаченной госпошлины, но получает отказ лицензирующего органа. Арбитражный суд первой инстанции признал данный отказ незаконным, указав на две основные причины своего решения. Во-первых, арбитражный суд посчитал, что в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (далее — НК РФ) госпошлина взимается за предоставление лицензии, а не за рассмотрение документов. Во-вторых, в данном Кодексе установлен закрытый перечень случаев невозвращения пошлины, в котором случай невыдачи алкогольной лицензии не упомянут. Однако в апелляционной инстанции эта позиция не нашла поддержки: решение арбитражного суда первой инстанции было отменено, поскольку НК РФ устанавливает также другой закрытый перечень — перечень случаев возврата пошлины, где ничего не сказано о случае невыдачи алкогольной лицензии. Кассационная и надзорная инстанции не нашли оснований для отмены решения арбитражного суда апелляционной инстанции.

Фабула дела позволяет увидеть, что заявитель участвует не в одном многостороннем правоотношении, а в нескольких, которые хотя и связаны между собой лицензионной тематикой, но тем не менее имеют самостоятельный характер. Этот нюанс следует особо отметить, ведь не случайно теоретики права указывали на необходимость четко различать границы, за которыми заканчивается одно правоотношение и начинается другое, новое.² Итак, заявитель вступает в административно-правовые отношения с лицензирующим органом, желая получить доступ к торговле алкогольной продукцией, параллельно уплачивая государственную пошлину и становясь тем самым участником налоговых правоотношений. Если правоотношение по поводу притязаний заявителя на обладание лицензией заканчивается на этапе полученного им отказа, то налоговые правоотношения по поводу уплаты государственной пошлины развивались многостадийно и, как видно из фабулы, с переменным для заявителя успехом. Основой налоговых правоотношений с участием заявителя выступили нормы Налогового кодекса, регулирующие порядок уплаты и возврата государственной пошлины. Именно они были неоднозначно истолкованы правоприменительными органами и, в конечном итоге, стали предметом конституционной проверки. Налоговые нормы об уплате государственной пошлины за предоставление лицензии на производство и оборот алкогольной продукции (в том числе на розничную торговлю) действуют в настоящее время в составе НК РФ. Между тем до 29 января 2010 г. регулирование данных правоотношений осуществлялось специальными законами как федерального, так и регионального уровня. Необходимо подробно их рассмотреть, чтобы понять, к какому порядку уплаты платежей привыкли соискатели алкогольных лицензий и чем он отличается от того порядка, который установлен в настоящее время Налоговым кодексом.

Оба федеральных закона, регулировавшие уплату сборов за выдачу лицензий на производство и оборот алкогольной продукции,³ предусматривали

² Или не начинается, а лишь является потенциальным, если, например, пострадавшая сторона не прибегает к обжалованию неправомерного отказа в реализации субъективного права (по этому поводу см.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 26).

³ *Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 5-ФЗ «О сборах за выдачу лицензий и право на производство и оборот этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 221; Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 114-ФЗ «О сборах за выдачу лицензий на осуществление видов деятельности, связанных с производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // Там же. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3125.*

правило, согласно которому при отказе в выдаче лицензии уплаченный сбор подлежал частичному возврату. И хотя данные федеральные законы не распространялись на отношения по взиманию сборов за выдачу лицензий на розницу, в законодательстве субъектов Российской Федерации (лицензирование розницы — их прерогатива) также устанавливалось правило о частичном возврате сбора. В частности, в Законе Ставропольского края от 11 октября 2006 г. № 70-кз «О розничной продаже алкогольной продукции на территории Ставропольского края» за образец был взят подход федерального законодателя. Лицензионные сборы взимались отдельно за рассмотрение заявления о выдаче (продлении, переоформлении) лицензии и отдельно за собственно выдачу (продление) лицензии (ст. 5). С 29 января 2010 г. в НК РФ начали действовать положения подп. 94 п. 1 ст. 333.33, устанавливающие государственную пошлину за предоставление лицензий на производство и оборот (включая розничную продажу) алкогольной продукции. Соответственно, утратило силу прежнее регулирование лицензионных сборов, причем как на федеральном, так и на региональном уровне. С этого момента соискателям лицензий следовало перейти на новые рельсы в отношениях по поводу уплаты государственной пошлины. Необходимо было осознать, что данные отношения не имеют тех особенностей, которые ранее закреплялись в актах федерального и регионального законодательства. Как уплата, так и возврат государственной пошлины за алкогольную лицензию подчиняются теперь общим правилам, которые установлены в Главе 25.3 НК РФ для всех случаев совершения юридически значимых действий. Чтобы выяснить, насколько эти общие правила понятны и непротиворечивы, рассмотрим соответствующие положения данного Кодекса.

Юридически значимые действия, за совершение которых уплачивается государственная пошлина, сгруппированы в НК РФ в определенном логическом порядке. Они подразделяются на следующие группы: судебные действия всех уровней судебной системы (ст. 333.19–333.23), нотариальные действия (ст. 333.24–333.25), регистрация актов гражданского состояния (ст. 333.25–333.27), паспортно-визовая деятельность (ст. 333.28–333.29). Кроме того, в ст. 333.33 НК РФ выделены иные действия по государственной регистрации, а также совершение прочих юридически значимых действий. В рамках именно данной статьи установлены пошлины за предоставление лицензии на розничную торговлю алкогольной продукцией (подп. 94 п. 1). Надо отметить, что в ст. 333.33 НК РФ законодатель не придерживается единой терминологии в отношении юридически значимых действий, которые совершаются органами публичной власти в интересах юридических и физических лиц. Например, применительно к таким документам, как свидетельство, виза, паспорт, диагностическая карта, а также регистрационные знаки транспортных средств, используется только термин «выдача». В отношении же разрешений, а также (что особенно важно для нас) лицензий применяется как термин «предоставление», так и термин «выдача». Поэтому, несмотря на то что в случае с алкогольной лицензией законодатель в НК РФ использует термин «предоставление» вместо применявшегося ранее термина «выдача», это не стало ясным сигналом предпринимателям об изменении характера рассматриваемых правоотношений.

Иными словами, терминология НК РФ не способствует формированию вывода о том, что в новом регулировании нет больше двух самостоятельных юридически значимых действий: рассмотрения заявлений на выдачу алкогольных лицензий и собственно выдачи алкогольных лицензий. Напротив, возникает впечатление, что законодатель, перенося регулирование платежей за алкогольные лицензии из разрозненных федеральных

и региональных актов в НК РФ, просто по недогляду не разделил процедуру и результат рассмотрения соответствующих заявлений. Ведь НК РФ, в принципе, признает возможным взимание государственной пошлины не только за результат, но и за процедуру. Например, госпошлина может взиматься за экспертизу, за проведение анализа, за выполнение работ, за истребование документов, за совершение действий, связанных с регистрацией (ст. 333.31, 333.22.1, 333.33, 333.24).

Теперь рассмотрим вопрос о том, насколько ясно и непротиворечиво урегулированы в НК РФ порядок и основания возврата государственной пошлины. Положения о возврате государственной пошлины закреплены в ст. 333.40 данного Кодекса, которая и стала предметом конституционной проверки в рассматриваемом деле. В п. 1 указанной статьи приведен перечень случаев, когда госпошлина возвращается (полностью или частично). Эти случаи подразделяются на такие, которые охватывают юридически значимые действия любого вида (уплата пошлины в большем размере, чем это требуется; отказ от юридически значимого действия до обращения к государственному органу). Сюда попадает всё: уплата госпошлины и за обращение в суд, и за выдачу алкогольных лицензий, и, например, за выдачу разрешения на трансграничное перемещение опасных отходов, и т. д. Другая группа случаев возврата охватывает не все, а лишь отдельные, но вместе с тем наиболее распространенные юридически значимые действия. Например, действия, связанные с судебной защитой и нотариальными услугами. В частности, законодатель особо оговаривает, что госпошлина возвращается при прекращении производства по делу или отказе в принятии искового заявления к рассмотрению.

Перечень случаев *возврата* государственной пошлины сконструирован как исчерпывающий, что указывает на невозможность возврата пошлины во всех остальных случаях. Не возвращается пошлина независимо от того, достигнут заявителем положительный результат или нет, выдано разрешение или не выдано, предоставлено какое-либо право или не предоставлено. Это сознательное решение законодателя носит универсальный характер и, если говорить образно, оно принято по принципу «автомат сдачи не дает». Бесполезно стучать кулаком по этому автомату. Будет опущена предпринимателем монета достоинством в 40 000 рублей за предоставление лицензии на розничную торговлю алкоголем или достоинством в 6 000 000 рублей за предоставление лицензии на производство алкоголя — это значения не имеет. Если в предоставлении лицензии отказано, никакой «сдачи» выдано не будет.

Разбирая механизм возврата государственной пошлины, необходимо отметить важный нюанс, который вызывает некоторые затруднения. Если законодатель сконструировал перечень случаев возврата госпошлины по принципу исключенного третьего (все, что не в перечне, то возврату не подлежит), то зачем тогда в ст. 333.40 НК РФ специально оговариваются два случая, когда государственная пошлина не возвращается? Какие это случаи? Во-первых, не возвращается государственная пошлина, уплаченная за *государственную регистрацию* акта гражданского состояния, если впоследствии государственная регистрация не была произведена (п. 2). Во-вторых, не подлежит возврату государственная пошлина, уплаченная за *государственную регистрацию* прав, ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество, сделок с ним в случае отказа в государственной регистрации.

То, что эти два случая выделены особо, подталкивает к ложному выводу: с одной стороны, законодателем установлен закрытый перечень случаев возврата пошлины (с некоторыми изъятиями), а с другой — закрытый перечень случаев невозвращения пошлины. Заявитель по данному делу

(поддержанный арбитражным судом первой инстанции) посчитал, что данное обстоятельство в совокупности с другими отмеченными выше юридико-техническими неясностями свидетельствует о наличии непреодолимой неопределенности в оспоренном регулировании. Данное обстоятельство, действительно, сбивает с толку, а потому для преодоления неопределенности необходимо попытаться уяснить цель, которую преследовал законодатель, специально оговаривая случаи, когда государственная пошлина не возвращается.

Следует обратить внимание, что в обоих случаях речь идет о регистрационных действиях (только о них, а не о выдаче разрешения, лицензии, предоставлении права и т. д.). Причем речь идет о массовых регистрационных действиях: регистрация актов гражданского состояния и прав на недвижимое имущество, в которых участвуют граждане. Регистрация такого рода юридических фактов (заключение брака, изменение имени, права собственности на квартиру или дом) порождает серьезные последствия. Это не просто формальный учет, поэтому необходимо проверить себя и свои документы несколько раз, прежде чем обратиться к государству. Если при рассмотрении таких обращений будут обнаружены препятствия для совершения регистрационных действий, то пошлина возвращена не будет и об этом *плательщики предупреждаются особо*. Тем самым названные случаи отнюдь не образуют какого-либо самостоятельного и закрытого перечня *невозвращения государственной пошлины*. На самом деле они играют роль дополнительных красных флажков (маркеров), посредством которых законодатель специально усиливает внимание отдельных категорий плательщиков государственной пошлины к последствиям ее уплаты.

Столь подробный анализ изложенного выше узкоотраслевого правового материала подводит к вопросу: можно ли утверждать, что имелись основания для вывода о неопределенности рассматриваемого налогового регулирования? Безусловно, да. Этому способствовали следующие факторы. Прежде всего, проблема состоит в изъянах законодательной техники, которые были допущены в процессе интеграции двухуровневого регулирования лицензионных сборов (федеральный и региональный уровни) в главу 25.3 «Государственная пошлина» НК РФ. Они состоят в непоследовательной терминологии, в нечетком разграничении случаев уплаты пошлины за процедуру и за результат, а также в отсутствии переходных положений, позволяющих уяснить суть нового регулирования. Переходные положения как законодательный прием имеют большое значение не только для случаев введения в действие масштабных правовых актов (новых кодексов или их частей), но и для точечных законодательных изменений. Специалисты, изучающие проблемы юридической техники, подчеркивают, что при введении в действие нового законодательства субъектам права крайне важно своевременно уяснить его содержание, сообразовать с ним свое поведение, осмыслить вводимые им новеллы.⁴ Кроме того, возникновению неопределенности способствовала вполне естественная инерционность мышления плательщиков. Они ожидали, что правоотношения по уплате государственной пошлины будут развиваться по старому алгоритму и при отказе в предоставлении лицензии им будет возвращена часть уплаченной суммы.

Достаточно ли высокой была степень неопределенности оспоренных законоположений? Для принятия жалобы к рассмотрению — да, но

⁴ *Юридическая техника*. Учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой и Н. А. Власенко. М., 2010. С. 195, 203.

для признания их неконституционными степень неопределенности оказалась недостаточно критической. Конституционный Суд большинством голосов (при двух особых судебных мнениях) признал, что оспоренные законоположения не противоречат конституционным нормам, поскольку законодателем допущены лишь «некоторые неточности юридико-технического характера».

Конечно, тщательный анализ всей совокупности законоположений позволяет в конечном итоге разобраться даже в столь запутанной ситуации и найти рациональное объяснение любым «неточностям законодателя» (действительным или кажущимся). Однако остается открытым вопрос, актуальный для проблематики конституционного судопроизводства: в каком случае правовая норма может быть признана неконституционной по мотиву неопределенности? Неужели только в случае полной неопределенности, когда норма не поддается никакому рациональному толкованию? Существует ли измерительная шкала, позволяющая фиксировать ту степень неопределенности, которая обязывает признать норму неконституционной? Очевидно, что научно обоснованные представления о такой шкале должны быть. Иначе трудно достигнуть того, к чему всегда призывали теоретики права: чтобы правовой системе были присуща доступность и убедительность правовых актов, точность, определенность, высокая юридическая культура стиля, способствующая правильному пониманию и реализации правовых требований.⁵

Для налогового законодательства этот призыв имеет особое значение. На прошедшей недавно в Екатеринбурге конференции по проблемам налогообложения⁶ один из докладчиков, доктор экономических наук, профессор Уральского государственного университета И. А. Майбуров правильно отметил: экономисты, отвечающие за разработку направлений налоговой политики, особенно остро нуждаются в усилиях юристов по непротиворечивому оформлению налоговых законопроектов. Не случайно западные специалисты, изучавшие состояние налогового законодательства в странах с переходной экономикой, критически отзывались о том, что чиновниками, ответственными за законотворческий процесс в этих странах, обычно были специалисты-налоговики в Министерстве финансов, которые зачастую не являлись юристами или специалистами по написанию законов. Поэтому западные исследователи настоятельно рекомендовали активнее привлекать юристов, специализирующихся на написании налоговых законопроектов.⁷ Но, конечно, роль юристов нельзя сводить лишь к редакции и оформлению текстов, подготовленных экономистами. Только совместная и равная по значению работа юристов и экономистов над налоговыми законами способна достигнуть целей финансовой политики при соблюдении конституционных прав граждан.

Оценивая в сопоставительном наклонении вероятность признания оспоренной налоговой нормы неконституционной (в аспекте неопределенности), следует попутно отметить проблему соотношения дефектной нормы и системы норм, с которыми дефектная норма образует единое целое. С точки зрения НК РФ все случаи невозвращения пошлины поставлены на одну доску, будь то лицензия на торговлю алкоголем, или предоставление

⁵ Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 119.

⁶ Конференция «Актуальные проблемы современного налогообложения и налогового права России» состоялась в Екатеринбурге 31 мая 2013 г. под эгидой научно-практического журнала «Налоги и финансовое право».

⁷ *Thuronyi V. Drafting Tax Legislation // Tax law and drafting. IMF. 1996. P. 72.*

ресурса нумерации оператора связи, или аккредитация организаций, аттестующих физических лиц в определенных сферах профессиональной деятельности. Даже с учетом того, что в рассмотренном случае Суд имел дело с конкретной, далеко не идеальной ситуацией регулирования уплаты пошлины за алкогольную лицензию, он не мог не испытывать давление такого фактора, который называют «эффектом домино». Ведь оспоренная норма прочно встроена в цепочку других норм, расположенных в главе 25.3 НК РФ. Решая судьбу дефектной нормы, ее нельзя оценивать изолированно от других норм, необходимо просчитывать последствия выводов о неконституционности. Откроют ли они возможность для возврата государственной пошлины во множестве других случаев, когда заявка на юридически значимое действие не привела к положительному результату? Если «да», то существуют ли достаточные основания для того, чтобы так широко открывать шлюзы? Если оснований нет, то всегда ли Конституционный Суд может локализовать свое решение границами одной нормы? Ответ на эти вопросы не очевиден. Очевидно лишь то, что эти неоднозначные вопросы могут выступать определенным барьером на пути дисквалификации дефектной нормы в рамках конституционного судопроизводства.

Как отмечалось в начале статьи, проблема неопределенности оспоренного налогового регулирования — не единственная проблема, которая решалась в рамках рассматриваемого Постановления. Как было показано при описании фактулы, для заявителя участие в налоговом правоотношении по поводу уплаты государственной пошлины не было основным. Главным же для заявителя было правоотношение, в рамках которого он претендовал на получение лицензии. Нормативное регулирование, регламентирующее порядок и условия предоставления лицензии, прописано в Федеральном законе «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», а также в иных правовых актах, принятых на его основе. Очевидно, что Конституционный Суд намеренно ограничил свои возможности при рассмотрении данного регулирования. Почему? Во-первых, потому что оно непосредственно не оспаривалось заявителем, который обжаловал лишь нормы НК РФ. Не случайна в связи с этим оговорка Суда о том, что он «исходит из презумпции конституционности» законоположений о государственном регулировании производства и оборота алкогольной продукции, «которая не подвергается сомнению, в частности, и заявителем по настоящему делу». Во-вторых, собственно лицензионное правоотношение с участием заявителя развивалось на весьма коротком отрезке, по которому нельзя судить о том, насколько эффективными оказались средства правовой защиты, предоставленные соискателю лицензии (обжалование отказа в лицензирующий орган или в суд). Конституционный Суд специально акцентирует на этом внимание в установочной части Постановления, где указывается, что заявитель не подвергал сомнению правомерность самого отказа в предоставлении лицензии.

Тем не менее Конституционному Суду все же пришлось вовлечь названные законоположения в орбиту своего анализа, поскольку они позволяют полнее раскрыть сущность оспоренных налоговых норм с учетом их главной проблемной характеристики — безвозвратности государственной пошлины. Конституционный Суд подчеркивает, что этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция относятся к ограниченно оборотоспособным объектам. Государственное регулирование ее производства и оборота обусловлено необходимостью защищать как жизнь и здоровье граждан, так и экономические интересы Российской Федерации. В связи

с этим в постановлении указывается, что государственная пошлина за предоставление лицензии на розничную продажу алкогольной продукции установлена в повышенном размере, что направлено, среди прочего, на регулирование лицензионной деятельности «путем создания фискального барьера для выхода на рынок розничной продажи алкогольной продукции». Однако основной вопрос в данном деле заключается не в повышенном размере, а в том, что соискатель лицензии не имеет права на ошибку (документарную или любую иную), иначе он рискует безвозвратно потерять деньги, которые пошли на уплату госпошлины. Именно это обстоятельство на самом деле выступает фискальным барьером для выхода на рынок розничной продажи алкогольной продукции. Однако допустимо ли с точки зрения Конституции устанавливать столь жесткие ограничения предпринимательской деятельности, даже если она связана с производством и оборотом такой специфической продукции, как алкоголь?

Конституционный Суд посчитал, что невозврат государственной пошлины в случае отказа в предоставлении лицензии направлен помимо прочего на защиту нравственности и здоровья, других конституционно значимых ценностей, а потому является допустимым элементом регулирования рынка алкогольной продукции. При этом данное ограничение допустимо, по мнению Суда, при наличии двух условий. Во-первых, законодательство с достаточной степенью определенности устанавливает требования, выполнение которых обуславливает получение лицензии и, следовательно, не допускает в данном вопросе административного усмотрения. Во-вторых, в случае несогласия с отказом в выдаче лицензии законодательство предоставляет возможность обжаловать необоснованный отказ в лицензирующий орган либо в суд. Оба эти тезиса практически до терпимого уровня снижают силу упреков в адрес рассматриваемого фискального барьера.

Вместе с тем проблемные вопросы остаются даже после рассмотрения всех весьма содержательных и убедительных аргументов, изложенных в комментируемом постановлении. Вполне правомерно, например, поставлен вопрос об экономическом основании уплаты государственной пошлины в условиях ее безвозвратности, а также вопрос о фактическом положении дел с предоставлением лицензий (каковы, например, статистика отказов в предоставлении лицензии и их обоснованность?).⁸ Безусловно, проблема безвозвратности государственной пошлины смягчается возможностью соискателя лицензии строго выполнять требования законодательства, а также гарантиями обжалования необоснованного отказа. Однако полному и безоговорочному принятию названных аргументов препятствует фактор недостаточной определенности налогового законодательства. Учитывая, что плательщики не были должным образом сориентированы о безвозвратности государственной пошлины, докладчик данного дела и автор одного из особых мнений справедливо задается вопросом о допустимости «забирать то, что уплачено по ошибке».⁹ Вопросы, вызванные комментируемым Постановлением, на этом не заканчиваются. Очевидно, что данное Постановление дает ученым и практикам хороший толчок для дальнейших дискуссий, которые обязательно состоятся на различных конференциях и семинарах, посвященных проблемам качества современного российского законодательства и обоснованности ограничений в сфере предпринимательской деятельности.

⁸ Особое мнение судьи Г. А. Гаджиева к данному Постановлению (СПС «КонсультантПлюс»).

⁹ Особое мнение судьи К. В. Арановского к данному Постановлению (Там же).